

советского хозяйства. / Сост. М. М. Горинов, С. В. Цакунов. М. : Изд-во Главархива Москвы, 2008.

Уголовный кодекс РСФСР. О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР : постановление ВЦИК от 24.05.1922 // Собр. узаконений и распоряж. рабоч. и крест. правительства РСФСР. № 15. 1 июня 1922 г. Ст. 153.

УДК 94(571.513):003.3-047.84

Н. Я. Артамонова
Хакасский государственный университет
г. Абакан

СОЗДАНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ У ХАКАСОВ КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ

В статье представлен начальный период (1920–1930-е гг.) создания хакасской письменности. Показаны особенности каждого этапа работы над созданием хакасского алфавита. На примере деятельности Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории отмечается значение создания письменности в формировании культурной памяти народа. Основу статьи составили Ученые записки института за несколько десятилетий. Обозначены достижения научных направлений в деятельности института. Все научные и юбилейные мероприятия института способствовали сохранению и дальнейшему развитию хакасского языка и тем самым выполняли роль национально-культурной идентичности коренного населения Хакасии. В заключении делается вывод о том, что письменность представляет важнейший источник формирования культурной памяти хакасов.

Ключевые слова: письменность, хакасский язык, культурная память, Хакасия, Я. Ассман, традиция, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.

История создания хакасской письменности относится к началу 1920-х гг. Организационная подготовка по созданию письменности хакасов проводилась в 1921–1922 гг. Тогда было предложено несколько проектов, но дальнейшая работа по данному вопросу была временно приостановлена из-за разногласий о графической основе хакасского алфавита и материальных трудностей в условиях новой экономической политики [Асочаков, 1983, с. 39], но в дальнейшем работа по созданию хакасской письменности продолжилась. Период создания и становления письменности хакасские ученые делят на три этапа: 1) при разработке хакасского алфавита за основу был взят русский алфавит; 2) переход на латиницу; 3) возвращение к алфавиту, основанному на русской графике [Инкижекова, 1951, с. 126].

Первый этап становления хакасской письменности, с точки зрения Ю. А. Орешковой, главного специалиста ГКУ РХ «Национальный архив», можно отнести к 1923 г.¹ Это связано со временем образования Хакасского уезда как административно-территориального субъекта и необходимостью решения вопроса о ликвидации неграмотности хакасского населения, что, в свою очередь, ставило на повестку дня вопрос о создании хакасской письменности.

25 апреля 1924 г. Енисейским губернским отделом народного образования было принято Постановление «О выработке хакасской письменности». В связи с этим при отделе была образована и утверждена комиссия по выработке хакасской письменности, возглавил которую первый председатель Хакасского уездного революционного комитета Георгий Игнатьевич Итыгин. Комиссия была профессионально ориентирована, поскольку ее членами стали в основном люди, владевшие опытом работы в сфере образования, либо имевшие солидную педагогическую подготовку. Комиссия работала весьма оперативно, и через два месяца был определен проект нового алфавита на основе кириллицы. В основу орфографии был положен качинский диалект [Орешкова]. По мнению известного лингвиста-тюрколога Н. А. Баскакова, «современный хакасский язык является результатом объединения нескольких племенных языков». И далее: «В основу современного хакасского литературного языка положены два диалекта – сагайский и качинский» [Баскаков, 1951, с. 88].

Второй этап становление хакасской письменности, по данным той же Ю. А. Орешковой, приходится на период латинизации хакасского алфавита, т. е. в 1929 г. хакасский алфавит был переведен с русской на латинскую графику, «так называемый новотюркский алфавит» [Орешкова]. На новотюркском алфавите стала издаваться практически вся учебная литература, и первая газета на хакасском языке «Хызыл аал» также издавалась с использованием нового алфавита.

Третий этап становления хакасской письменности связан с обратным процессом перевода алфавита на кириллицу. На заседании Президиума Хакасского областного исполнительного комитета от 3 октября 1938 г. было отмечено, что «существующий латинизированный алфавит хакасской письменности не удовлетворяет быстро растущего культурного запроса трудящихся хакасов, так как латинизированный алфавит трудно осваивается коренным населением, вводит путаницу при изучении хакасского языка, усложняет усвоение наук и тем самым тормозит быстрое развитие культуры хакасского народа» [цит. по: Орешкова]. Таким образом, в 1939 г. хакасская письменность вновь вернулась к хакасскому алфавиту на основе кириллицы.

¹ А. И. Инкижекова считает исходным моментом создания хакасской письменности 1924 г.

Появление своей письменности является, по сути, эпохальным явлением в жизни любого бесписьменного народа. История языка и история народа, говорящего на своем языке, «переплетаются и взаимно влияют друг на друга... Обычаи нации отражаются на ее языке, а с другой стороны, в значительной мере именно язык формирует нацию» [Боргояков, 1973, с. 153].

Возникновение хакасской письменности является важнейшим источником формирования культурной памяти народа. Впервые понятие «культурная память» ввел немецкий ученый Ян Ассман и под этим понятием он подразумевает «одно из внешних измерений человеческой памяти» [Ассман, 2004, с. 19].

Культурная память, считает Ассман, «направлена на фиксированные моменты в прошлом» [Там же, с. 54]. Она имеет всегда «своих особых носителей», к которым Я. Ассман относит шаманов, бардов, гриотов, жрецов, учителей, художников, писателей, ученых мандаринов и т. д. [Там же, с. 56]. В бесписьменных обществах специализация носителей памяти связана с теми требованиями, какие предъявляются к их памяти. Самым высоким требованием к носителям памяти в таких обществах считается «дословное воспроизведение традиции», знание ритуала. Притом, отмечает ученый, «в бесписьменных культурах культурная память не опирается столь исключительно на тексты». Для утверждения групповой идентичности в большей степени используются танцы, игры, обряды, татуировки, еда, питье, маски и т. д. [Ассман, 2004, с. 57]. А в письменной культуре «культурная память имеет определенное родство с письменностью» [Там же, с. 62].

Одним из тех учреждений, что направлены на сохранение историко-культурного наследия хакасского народа, является Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (далее – ХакНИИЯЛИ). Можно говорить об особой роли этого научного учреждения в воссоздании прошлого хакасского народа, изучении традиций, сохранении и развитии хакасского языка.

Почти с первых дней своего существования институт занялся систематической научно-исследовательской работой по изучению и развитию письменности хакасов, литературы и фольклора, истории, археологии, этнографии и антропологии, а также искусства хакасского народа и других народностей, населявших территорию Хакасии [Инкижекова, 1951, с. 131].

В институте было создано три сектора (языка и письменности, литературы и фольклора, истории и этнографии). Сектор языка и письменности продолжал важнейшую работу по унификации норм хакасского литературного языка. Можно сказать, исключительную роль в данном отношении сыграла разработанная сектором языка

и введенная в действие в 1947 г. новая орфография хакасского языка. С. П. Ултургашев, имевший непосредственное отношение к деятельности ХакНИИЯЛИ, отмечал, что новая орфография «уточнила диалектную базу хакасского литературного языка, указала основные источники обогащения лексики, разработала единые фонетико-морфологические нормы и твердые правила правописания слов» [Ултургашев, 1970, с. 9]. Сектором языка и его внештатными сотрудниками были составлены словари: орфографический (I изд. в 1948, II изд. – в 1953 и III изд. – в 1962 гг.), общественно-политических терминов (1955), школьные: хакасско-русский и русско-хакасский (1948), нормативные: хакасско-русский (1953) и русско-хакасский (1961), что также способствовало упорядочению норм литературного языка [Ултургашев, 1970, с. 9]. Кроме того, была завершена многолетняя коллективная работа над «Грамматикой современного хакасского языка». Этот труд хакасских языковедов, по оценке Института языкознания АН СССР, «вносит существенный вклад в советскую тюркологию» [Там же, с. 10].

Институт особое внимание уделял сбору фольклорных произведений, поскольку в фольклоре отражается историческое прошлое народа, накопленная веками мудрость. Сотрудниками сектора литературы было записано около 100 героических поэм, более 300 сказок, легенд и сказов, сотни песен и тахпахов, пословиц, поговорок и загадок. Некоторые фольклорные произведения были переведены на русский язык А. Чмыхало, Г. Сысолятиным, Б. Балтером и т. д.

Знаменательным событием в научном сообществе, в общественно-политической жизни населения Хакасии стал выход первого обобщающего труда по истории советской Хакасии. Изучением этнографии хакасов занимался К. М. Патачаков. Следует отметить, что этнографическое изучение хакасов имело большое значение для научной жизни ХакНИИЯЛИ, поскольку материальная культура и быт хакасов самобытны, насыщены историческими традициями, которые длительное время сохраняют отдельные пережитки прошлого.

Значительную роль играли научные конференции различного уровня, торжественные заседания, посвященные юбилейным и памятным датам в истории Хакасии.

Уже в 1945 г. институтом были проведены две научно-практические конференции. В них принимали участие не только сотрудники ХакНИИЯЛИ, но и преподаватели Абаканских учительского и педагогического институтов, представители властных структур Хакасии, издательства и т. д.

В. П. Левашева, канд. ист. наук, сделала сообщение о многолетних археологических раскопках, проводимых на территории Хакасии.

Найденные ею экспонаты свидетельствуют о том, что территория, на которой расположена Хакасия, уже с древнейших времен была заселена, и ее население стало активно развиваться в бронзовом и начале железного веков. О жизни древнего хакасского государства, его культуре, связях с другими соседними государствами свидетельствуют раскопки таштыкских погребений, они дают богатейший материал для изучения времени складывания внутриплеменной дифференциации во II в. до н. э. Вторая научная конференция (декабрь 1945 г.) была посвящена 15-летию Хакасской автономной области. На конференции также были представлены доклады о ремесле и торговле в древнем хакасском государстве, о производстве гончарных изделий, о металлургии, о пережитках родового строя у хакасов и т. д. [см. об этом: Алябьева, 1951, с. 135–150].

Богат проведением научных, в том числе юбилейных конференций 1947 г. В январе 1947 г. один из докладов был посвящен Н. Ф. Катанову, первому хакасскому ученому. Директор ХакНИИЯЛИ Н. Г. Доможаков подчеркнул в своем выступлении, что научное наследие Катанова нуждается в критической оценке, так как многие «его взгляды антинаучны и даже вредны» [Там же, с. 139].

В сентябре этого же года была проведена научная конференция в честь 20-летней работы Алтае-Саянской археологической экспедиции Академии наук СССР на территории Хакасии. Работа этой экспедиции проводилась с 1927 г., и за весь 20-летний период она дала ценнейшие материалы по истории и культуре хакасского народа.

Научно-практические и юбилейные конференции стали традицией ХакНИИЯЛИ. Большой интерес вызывают юбилейные конференции, посвященные личностям, являвшимся гордостью хакасского народа: ученым Н. Ф. Катанову, С. Д. Майнагашеву, Л. Р. Кызласову, К. М. Патачакову, первому председателю Хакасского уездного революционного комитета Г. И. Итыгину, первому директору ХакНИИЯЛИ Н. Г. Доможакову.

Институтом традиционно проводились фольклорные экспедиции. Так, по результатам экспедиции 1969 г., имевшей целью обследовать «состояние устного народного поэтического творчества прошлого у бывших сагайцев бассейна р. Теи Аскизского района Хакасской автономной области», старший научный сотрудник ХакНИИЯЛИ В. Е. Майногашева с горечью отмечала, что «жанр героического эпоса <...> в настоящее время идет к деградации», поскольку старые хайджи и нымахчи, как правило, не оставляют продолжателей в национальном традиционном искусстве и вместе с уходом их из жизни многое исчезает» [Майногашева, 1971, с. 200]. Сокращается число сказителей, да и те знают мало текстов богатырских поэм, снижается «уровень

художественности языка произведений». Причину такого положения В. Е. Майногашева видела «в ограниченной тренированности и заинтересованности – исполнять алыптыг ныхах для записи. Известно, что хакасские богатырские поэмы огромны по размерам, записать их все на магнитофонные ленты нет возможности. Так или иначе, многие из них приходится записывать под диктовку. Сказители же этим тяготеют» [Там же, с. 200].

ХакНИИЯЛИ огромное внимание уделяет произведениям народного поэтического творчества в исполнении одного из лучших мастеров эпического искусства, народного сказителя Семена Прокопьевича Кадышева. Его произведения публиковались на хакасском и русском языках, а исполнение хакасских произведений записывалось, изучалось и пропагандировалось [см. об этом: Майногашева, 1975, с. 274–279].

С созданием собственной письменности хакасов решил вопрос о ликвидации неграмотности. Хакасы получили возможность обучаться на родном языке и приобщиться к культурно-историческому наследию своего народа. Хакасский язык стал предметом научного исследования и дальнейшего культурного и образовательного развития этноса. Приоритетная роль в формировании и сохранении культурной памяти народа принадлежит первому специальному научному учреждению – Хакасскому научно-исследовательскому институту языка, литературы и истории. Вся его деятельность подчинена изучению, сохранению истории, и культуры хакасов, сохранению и дальнейшему развитию хакасского языка и письменности.

Алябьева Л. А. Работа института // Записки ХакНИИЯЛИ. Абакан: Хаггосиздат, 1951. № 2. С. 135–150.

Асочаков В. А. Культурное строительство в Хакасии (1917–1937). Абакан: Хакас. отд. Краснояр. кн. изд-ва, 1983.

Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Баскаков Н. А. К истории изучения хакасского языка // Записки ХакНИИЯЛИ. Вып. 2. Абакан: Хаггосиздат, 1951. С. 85–104.

Боргояков М. И. К истории формирования хакасского языка // Уч. зап. ХакНИИЯЛИ. Вып. XVIII. Серия филологическая. 1973. № 2. С. 153–168.

Инкижекова А. И. К истории развития хакасской письменности // Записки ХакНИИЯЛИ. Абакан: Хаггосиздат, 1951. № 2. С. 119–134.

Майногашева В. Е. О работе фольклорной экспедиции Хакасского НИИЯЛИ в 1969 году // Уч. зап. ХакНИИЯЛИ. Вып. XVI. Серия историческая. 1971. № 3. С. 197–204.

Майногашева В. Е. Хакасский народный хайджи (К 90-летию со дня рождения и 60-летию сказительной деятельности С. П. Кадышева // Уч. зап. ХакНИИЯЛИ. Вып. XX. Серия филологическая. 1975. № 3. С. 274–279.

Орешкова Ю. А. Основные этапы становления хакасской письменности в 1920–1930-х гг. (по документам ГКУ РХ «Национальный архив»). URL: <https://arhiv.r-19.ru/upload/iblock/0ca/0ca57257acb1c0daba03966dd06db76a.pdf> (дата обращения: 26.08.2024).

Ултургаишев С. П. Научный центр Хакасской автономной области // Уч. зап. ХакНИИЯЛИ. Вып. XV. Серия историческая. 1970. № 2. Абакан: б/и, 1970. С. 6–19.

УДК 929+655.4/5

А. В. Муравьев
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР СЕРИИ ЖУРНАЛОВ «СЛЕДОПЫТ» В. А. ПОПОВ: СУДЬБА ИНТЕЛЛИГЕНТА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В КОНЦЕ 1920-х – 1930-е гг.

В статье в контексте взаимоотношений дореволюционной интеллигенции и советской власти в 1920–1930-е гг. анализируется биография редактора, активиста скаутского и организатора следопытского движений В. А. Попова. Внимание читателей акцентируется на позднем этапе биографии В. Попова (1937–1941 гг.) – переходе от редакторской работы к научной журналистике и научно-просветительской деятельности.

Ключевые слова: В. А. Попов, биографический метод, дореволюционная интеллигенция, нэп, издательское дело, источниковедение, Б. С. Рябинин.

В раннесоветском обществе важным условием построения нового успешного государства являлось налаживание отношений власти с дореволюционной интеллигенцией. Интеллигенция имела колоссальный опыт, которого не хватало большевикам. Отношения власти и интеллигенции 1920-х гг. неплохо изучены [см. напр. Казанин. 2001, с. 1; Золотарев. 2019, с. 5]. Меньше внимания уделяется отношениям власти и «старой» интеллигенции в 1930-х гг. [см. Веремчук. 2014, с. 34; Золотарев, 2012, с. 44], при этом внимание фокусируется на стратегии власти, но не на поведении самой интеллигенции. Данный сюжет можно проследить на примере биографии редактора и организатора следопытского движения Владимира Алексеевича Попова, или Попова-Штарка (писательский псевдоним).

В научной литературе имя В. А. Попова упоминается в контексте истории издательства И. Д. Сытина [см. Белов, Толстяков, 1976, с. 81] и создания «Уральского следопыта» [см. Созина, Снигирева, 2016, с. 279]. О пребывании В. Попова в Свердловске есть информация